

Механизмы культурной памяти: Молодинская битва 1572 года в русских исторических песнях XVI–XVII веков

© А.А. Дудин

Чеховский филиал Московского финансово-юридического университета,
Чехов, 142300, Россия

Проанализирована репрезентация Молодинской битвы 1572 г. в русских исторических песнях XVI–XVII вв. через призму теории культурной памяти. На материале песен «Иван Грозный под Серпуховым» и «Набег крымского хана» выявлены ключевые механизмы работы народной памяти: селекция, типизация, идеологизация и актуализация. Показано, что фольклорные тексты закрепляли не столько исторические факты, сколько символически насыщенные образы, подчиненные законам жанра и актуальным потребностям коллективной идентичности. Песни интерпретированы как инструменты осмысления прошлого, в которых событие подвергалось сложной переработке для интеграции в действующую систему культурных значений.

Ключевые слова: Молоди, фольклор, народная традиция, историческое сознание, нарратив, идентичность

Изучение механизмов культурной памяти, понимаемой как совокупность практик, посредством которых общество конструирует, передает и актуализирует образы прошлого, занимает одно из центральных мест в современных гуманитарных науках. Фольклорные тексты, и в частности исторические песни, представляют собой уникальный источник для подобных исследований, поскольку в них прошлое не просто фиксируется, но активно перерабатывается в соответствии с законами жанра, актуальными потребностями коллективной идентичности и действующей системой культурных значений.

В этом контексте особый интерес представляет репрезентация Молодинской битвы 1572 г. — ключевого сражения эпохи Ивана Грозного, которое надолго обезопасило южные границы Русского государства от набегов Крымского ханства. Несмотря на масштаб события, его отражение в народной исторической традиции отличается сложностью и опосредованностью. Классические исследования фольклора (В.Ф. Миллер, А.М. Соколова и др.) рассматривали исторические песни прежде всего как источник фактических данных, оставляя в тени внутреннюю логику трансформации исторического события в фольклорный нарратив.

Целью данной статьи является анализ репрезентации Молодинской битвы в русских исторических песнях XVI–XVII вв. через призму теории культурной памяти (Я. Ассман). Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

- выявить и проанализировать ключевые механизмы работы народной памяти (селекцию, типизацию, идеологизацию и актуализацию) на материале песен «Иван Грозный под Серпуховым» и «Набег крымского хана»;
- показать, как в ходе этих процессов конкретное историческое событие превращается в символически насыщенный образ, подчиненный жанровым канонам и задачам поддержания коллективной идентичности;
- интерпретировать исследуемые песни не как искаженную хронику, а как активные инструменты осмысления и интеграции прошлого в культурный контекст эпохи.

Научная новизна исследования заключается в применении инструментария *memory studies* к конкретному корпусу русских исторических песен, что позволяет перейти от констатации фактов к пониманию принципов формирования и функционирования народной исторической традиции.

Механизм селекции: формирование «каркаса памяти». Первым и фундаментальным механизмом работы культурной памяти является селекция — отбор из множества элементов события тех ключевых точек, которые образуют его упрощенный, но устойчивый «каркас» в коллективном сознании [1, с. 85–90]. Этот каркас не стремится к хроникальной полноте, а формируется по законам нарративной эффективности и символической значимости.

Анализ песен, связанных с событиями 1572 г. — «Иван Грозный под Серпуховым» и «Набег крымского хана», наглядно демонстрирует этот принцип. Летописные источники и разрядные книги донесли до современных исследователей сложную картину Молодинской битвы: стратегический замысел воеводы М.И. Воротынского, использование подвижного укрепления «гуляй-город», пятидневное генеральное сражение, массовый героизм ратников. Однако народная песня последовательно устраняет конкретные военно-тактические детали.

Вместо них память кристаллизует несколько ярких «якорей», которые становятся сюжетными узлами нарратива. Во-первых, это локация («под Серпуховом»). Город Серпухов фиксируется как географический маркер события, заменяя собой малоизвестное село Молоди: «Через Москву-реку переправился, не дошедши города Серпуха, становился он в зеленых лугах» [2, с. 33]. Это топонимическое смещение типично для фольклора, заменяющего малозначимое на

значимое и узнаваемое. Во-вторых, главный антагонист («Крымский царь»). Персонаж противника лишается имени (Девлет Гирей), возводясь в типический образ врага-иноверца, что усиливает бинарную оппозицию «свои — чужие»: «А не сильная туча затучилася, а не сильнии громы грянули; куда едет собака Крымской царь? А ко сильному царству Московскому» [3, с. 172]. В-третьих, мотив измены. В песне «Иван Грозный под Серпуховым» возникает мотив боярской измены, напрямую отсутствующий в официальных документах о битве. Его включение отвечает не исторической правде, а актуальной для эпохи Ивана Грозного и народного сознания нарративной схеме, объясняющей трудности и опасности через предательство элиты и, в частности, отражающей последующую опалу Михаила Воротынского.

Таким образом, селекция в исторических песнях выполняет не архивирующую, а нарративно-символическую функцию. Из события извлекаются не факты, а элементы, обладающие максимальной узнаваемостью и способностью встроиться в готовые сюжетные модели. Как отмечал В.Я. Пропп, фольклор мыслит не историческими категориями, но категориями сюжета и композиции [4, с. 113]. В результате формируется лаконичный и эмоционально заряженный каркас памяти: царь Иван под Серпуховом дал отпор крымскому хану, несмотря на козни. Этот каркас, свободный от конкретики, становится прочным основанием для дальнейшей смысловой надстройки в процессе типизации и идеологизации.

Механизм типизации: подгонка события под знакомые нарративные схемы. Следующий этап формирования культурной памяти — типизация — заключается в том, что отобранные «якоря» события встраиваются в систему готовых, узнаваемых аудиторией жанровых моделей и сюжетных ходов. Это превращает уникальный исторический эпизод в повторяющуюся, «типическую» ситуацию, что обеспечивает его быстрое усвоение и долговечность в устной традиции.

Ярчайшим примером действия этого механизма является песня «Иван Грозный под Серпуховым». Анализ ее вариантов позволяет реконструировать процесс типизации. Историческим прототипом героя был князь Михаил Воротынский, главный воевода и стратег Молодинской битвы. Однако в фольклорном тексте его образ кардинально трансформируется. В казачьих вариантах он предстает как «Максим сын казачий, по прозванью Краснощеков» [2, с. 33] или «Михайлушка Гагарин» [5, с. 666]. Это результат демократизации героя, его подгонки под популярный в казачьей среде тип удалого атамана. Таким образом, конкретное историческое лицо замещается собирательным, социально близким исполнителям и слушателям образом.

Событийная канва битвы также подвергается типизации. Вместо описания сложной пятидневной битвы с использованием «гуляй-города» в песне доминирует универсальный для эпохи Ивана Грозного мотив боярской измены. Подозрение, которое царь бросает отсутствующему герою («Изменил тебе, царю белому, / Придался он к хану турецкому...») [2, с. 33], не имеет прямых документальных подтверждений для событий 1572 г. Этот мотив заимствован из общей нарративной схемы «царь — герой — изменники», хорошо отработанной в других исторических песнях XVI в., например, в песне о взятии Казани, где Грозный также несправедливо гневается на героев-пушкарей [6, с. 19].

Структура песни строится из повторяющихся формул и клише. Начало — «Царь Иван Васильевич / Копил силушки ровно тридцать лет» — практически дословно совпадает с зачином песни о Казанском взятии. Сцена переключки («перебора») князей-бояр перед боем является общим местом военно-исторических песен. Даже награждение героя — царь сажает его «правей своего места царского» [6, с. 19] — представляет собой типический финал, символизирующий высшую милость.

Таким образом, конкретная Молодинская битва 1572 г. растворяется в традиционных сюжетах и образах. Она перестает быть уникальным событием и становится вариацией на вечные темы: противостояние со Степью, борьба царя-защитника с внешним врагом и внутренним предательством, торжество верного слуги. Этот механизм, с одной стороны, искажает историческую конкретику, но с другой — делает прошлое понятным, узнаваемым и эмоционально близким для носителей традиции, обеспечивая его передачу через века.

Механизм идеологизации: придание событию сакрального смысла. Еще один механизм культурной памяти — идеологизация — преобразует отобранное и типизированное событие в символический акт, наделенный высшим, часто сакральным смыслом. В этом процессе прошлое интерпретируется не как цепь человеческих действий, а как проявление воли провидения, что укрепляет ключевые идеологические конструкты коллективной идентичности.

Наиболее показательным примером служит песня «Набег крымского хана» [3, 7, 8], записанная в 1619–1620 гг. для секретаря английского посольства Ричарда Джемса. Ее анализ позволяет увидеть, как память о военном столкновении подвергается радикальной смысловой трансформации в соответствии с господствующей религиозно-политической доктриной.

1. *Устранение человеческого фактора и исторической конкретики.* Вопреки летописным данным, в песне не упоминаются ни предводитель русского войска князь М.И. Воротынский, ни тактика

сражения, ни сам факт битвы. Вместо этого центральным становится мотив самонадеянного дележа русских земель татарами, остановившимися у Оки: «А думайте вы думу с цела ума: / Кому у нас сидеть в каменной Москве...» [3, с. 173]. Этот мотив, восходящий к архетипическим сюжетам (как в песне о Щелкане) [9, с. 67], служит не исторической констатацией, а риторическим приемом, призванным подчеркнуть гордыню и обреченность врага.

2. *Вмешательство высших сил как двигатель истории.* Кульминацией и главным идеологическим центром песни становится «господень глас», раздающийся с небес: «Иной еси собака Крымской царь! / То ли тебе царство не ведомо? / А еще есть на Москве православный царь!» [3, с. 174]. Этот прямодуховный акцент полностью элиминирует человеческое участие. Разгром врага представлен не как результат воинского подвига, а как прямое божественное вмешательство, кара за гордыню и посягательство на «Богохранимое» царство. Историческая победа русского оружия переосмысливается как чудо, подтверждающее особый статус Московского государства и его православного государя.

3. *Провиденциализм как основа нарратива.* Песня строится по схеме грех (гордыня и захватнические планы) — божественная кара (господень глас) — бегство и поражение. Такой нарратив служит мощным дидактическим инструментом: он внушает мысль о богоизбранности Москвы и неотвратимости небесной защиты для «православного царя». Как отмечает С. Шамбинаго, событие здесь осмысливается «как божья помощь» [7, с. 90]. Эта провиденциальная трактовка превращает конкретный эпизод в вечное подтверждение сакральных основ власти и государства.

4. *Социально-политический контекст идеологизации.* С. Шамбинаго связывает подобную трактовку с придворной средой, где песни выполняли функцию панегирика, «щекотавшего... самолюбие и тщеславие» царя [8, с. 246]. В условиях, когда реальный победитель битвы, князь Воротынский, вскоре впал в опалу, акцент на божественном заступничестве, минуя роль полководца, был политически обусловлен. В результате память не просто сакрализует прошлое, но и активно обслуживает актуальные идеологические запросы власти, закрепляя нужную версию событий.

Таким образом, механизм идеологизации выполняет важнейшую функцию: он возводит историческое событие в ранг священного прецедента, вписывая его в господствующую картину мира, где история направляется высшей волей, а успех государства есть следствие его благочестия и богоугодности.

Механизм актуализации: приспособление прошлого к нуждам настоящего. Завершающим и обеспечивающим непрерывную жизнь традиции механизмом является актуализация — процесс, в ходе которого сформированный культурной памятью образ прошлого адаптируется к новым историческим контекстам, социальным условиям и коллективным запросам. Актуализация не просто сохраняет память, но делает ее живым инструментом самоидентификации и легитимации конкретных сообществ.

Наиболее показательно этот механизм проявился в казачьей среде бытования песни «Иван Грозный под Серпуховым». Записанные в XIX — начале XX в. на Дону, Тереке и в Астраханских землях варианты демонстрируют глубокую трансформацию исходного сюжета [7, с. 93].

1. *Демократизация и «опричивание» героя.* Центральное изменение — полное замещение фигуры князя-воеводы Михаила Воротынского. В казачьих версиях герой предстает как «Максим сын казачий, по прозванию Краснощеков» [2, с. 33] — имя, заимствованное из популярного цикла песен о героях-казаках XVII–XVIII вв., или «Михайлушка Гагарин» [5, с. 666] — отсылка к сибирскому губернатору петровской эпохи, чье имя, по-видимому, стало нарицательным в казачьем фольклоре. Эта замена — не случайная «забывчивость», а сознательное «присвоение» события. Казачество, осознававшее себя как военную и социальную силу, вписывало себя в ключевые моменты общенациональной истории, замещая аристократического полководца своим, социально близким, героем-казакom.

2. *Географическая и социальная транслокация.* Актуализация затрагивает не только героя, но и пространство. В терском варианте действие переносится на реку Кадаргу (Кадаргун), а в астраханских — в низовья Волги [5, с. 666]. Событие XVI в. «переселяется» на земли, осваиваемые казаками в более поздние века. Песня, таким образом, начинает работать на легитимацию их присутствия и военной роли на новых рубежах государства, проецируя свою боевую славу в глубокое прошлое.

3. *«Вольнолюбивая среда» как консервант и модификатор.* Как отмечает С. Шамбинаго, казачья среда не только сохранила песню, но и способствовала консервации в ней тех «намёков на современность», которые могли изглаживаться в иных условиях [7, с. 93]. Мотив ложного обвинения в измене, центральный для песни, приобрел особую остроту и актуальность для казачества — сообщества, часто находившегося в сложных, амбивалентных отношениях с центральной властью, балансируя между службой и бунтом. История о верном слуге, оклеветанном боярами, но оправданном царем, могла отражать их собственные ожидания справедливости и признания со стороны государства.

Таким образом, механизм актуализации обеспечил песне о Молодинской битве вторую жизнь. Из произведения, возможно, отражавшего придворную версию событий (с акцентом на царе и исключении опального воеводы), она превратилась в казачью песню. В этом новом качестве она выполняла важные функции: самоутверждение (возвеличивала роль казачества как защитника Руси), интеграцию (встраивала локальную казачью историю в общерусский исторический нарратив) и актуализацию конфликта (поддерживала модель отношений «служилый человек — царь — клеветники-бояре»). Прошлое, переработанное через актуализацию, перестает быть нейтральной хроникой. Оно становится символическим капиталом, который социальная группа использует для укрепления своего статуса, объяснения своего настоящего и проектирования будущего.

Проведенный анализ репрезентации Молодинской битвы 1572 г. в русских исторических песнях XVI–XVII вв. позволяет утверждать, что народная память о ключевых событиях прошлого представляет собой не пассивное хранилище фактов, а динамический продукт работы взаимосвязанных механизмов культурной памяти: селекции, типизации, идеологизации и актуализации.

Селекция сформировала минималистичный и устойчивый каркас события, отбросив конкретные военно-тактические детали (роль «гуляй-города», массовый героизм) в пользу символически нагруженных «якорей»: Серпухов, Крымский хан, мотив измены. Типизация вписала этот каркас в систему готовых и узнаваемых нарративных схем, заменив фигуру воеводы М.И. Воротынского архетипическим образом героя-казака и подчинив сюжет универсальной модели «царь — герой — изменники». Идеологизация наделила событие высшим сакральным смыслом, интерпретируя победу не как результат человеческих усилий, а как прямое божественное вмешательство («господень глас»), что укрепляло идею богоизбранности Московского царства. Наконец, актуализация обеспечила живучесть памяти, адаптируя песни к нуждам новых социальных групп (в частности, казачества), для которых прошлое стало инструментом самоутверждения и легитимации своего места в истории.

Таким образом, исторические песни о Молодинской битве выступают не как искаженная хроника, а как активные инструменты смыслообразования. Они демонстрируют, как коллективная память подчиняет событие законам жанра, актуальным идеологическим запросам и социальным функциям. Прошлое в них постоянно перерабатывается, чтобы оставаться понятным, значимым и функциональным в меняющемся культурном контексте. Данное исследование подтверждает эвристическую ценность теории культурной памяти для анализа фольклорных источников и открывает перспективы для изучения иных ключевых событий русской истории сквозь призму их репрезентации в народной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ассман Я. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. Москва, Языки славянской культуры, 2004, 368 с.
- [2] Соколова В.К. *Русские исторические песни XVI–XVIII вв.* Москва, Издательство АН СССР, 1960, 450 с.
- [3] Данилов В.В. Сборники песен XVII столетия — Ричарда Джемса и П.А. Квашнина. В кн.: *Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР. Т. II*. Москва, Ленинград, Издательство Академии наук СССР, 1935, с. 165–180.
- [4] Пропп В.Я. *Фольклор и действительность*. Москва, Наука, 1976, 330 с.
- [5] Путилов Б.Н., Добровольский Б.М., сост. *Исторические песни XIII–XVI веков*. Москва, Ленинград, Издательство Академии Наук СССР, 1960, 684 с.
- [6] Астахова А., ред. *Северные исторические песни*. Петрозаводск, Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1947, 67 с.
- [7] Шамбинаго С.К. *Песни времени царя Ивана Грозного. Исследование*. Сергиев Посад, Типография И.И. Иванова, 1914, 120 с.
- [8] Миллер В.Ф. *Очерки русской народной словесности. Т. III*. Москва, Ленинград, Государственное издательство, 1924, 320 с.
- [9] Путилов Б.Н. *Песня о Щелкане. Русский фольклор: материалы и исследования. Т. 3*. Москва, Ленинград, Издательство АН СССР, 1958.

Статья поступила в редакцию 04.05.2026

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Дудин А.А. Механизмы культурной памяти: Молодинская битва 1572 года в русских исторических песнях XVI–XVII веков. *Гуманитарный вестник*, 2026, вып. 3. EDN PTSXJR

Дудин Александр Анатольевич — старший преподаватель Чеховского филиала Московского финансово-юридического университета. e-mail: julianus@rambler.ru

Mechanisms of Cultural Memory: the Battle of Molodi (1572) in Russian Historical Songs of the 16th–17th Centuries

© A.A. Dudin

Chekhov branch of Moscow University of Finance and Law,
Chekhov, 142300, Russia

The representation of the Battle of Molodi (1572) in Russian historical songs of the 16th–17th centuries is analyzed through the lens of cultural memory theory. Based on the songs “Ivan the Terrible near Serpukhov” and “The Raid of the Crimean Khan,” key mechanisms of folk memory are identified, including selection, typification, ideologization, and actualization. It is shown that folklore texts preserved not so much historical facts as symbolically enriched images shaped by genre conventions and the current needs of collective identity. The songs are interpreted as tools for interpreting the past, in which the historical event undergoes complex transformation for integration into the system of cultural meanings.

Keywords: *Molodi, folklore, folk tradition, historical consciousness, narrative, identity*

REFERENCES

- [1] Assmann J. *Kulturnaya pamyat: pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokikh kulturakh drevnosti* [Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in ancient high cultures]. Moscow, LRC Publ., 2004, 368 p.
- [2] Sokolova V.K. *Russkie istoricheskie pesni XVI–XVIII vv.* [Russian historical songs of the 16th–18th centuries]. Moscow, AN SSSR Publ., 1960, 450 p.
- [3] Danilov V.V. *Sborniki pesen XVII stoletiya — Richarda Dzhemsa i P.A. Kvashnina* [Song collections of the 17th century — Richard James and P.A. Kvashnin]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury IRLI AN SSSR* [Proceedings of the department of Old Russian literature, Institute of Russian literature, Academy of Sciences of the USSR]. Vol. II. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1935, pp. 165–180.
- [4] Propp V.Ya. *Folklor i deystvitel'nost* [Folklore and reality]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 330 p.
- [5] Putilov B.N., Dobrovolsky B.M., comp. *Istoricheskie pesni XIII–XVI vekov* [Historical songs of the 13th–16th centuries]. Moscow, Leningrad, Akademii nauk SSSR Publ., 1960, 684 p.
- [6] Astakhova A., ed. *Severnye istoricheskie pesni* [Northern historical songs]. Petrozavodsk, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karelo-Finskoy SSR, 1947, 67 p.
- [7] Shambinago S.K. *Pesni vremeni tsarya Ivana Groznogo. Issledovanie* [Songs of the time of tsar Ivan the Terrible. A study]. Sergiev Posad, Tipografiya I.I. Ivanova, 1914, 120 p.
- [8] Miller V.F. *Ocherki russkoy narodnoy slovesnosti* [Essays on Russian folk literature]. Vol. III. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1924, 320 p.

- [9] Putilov B.N. Pesnya o Shchelkane [The Song of Shchelkan]. In: *Russkiy folklor: materialy i issledovaniya* [Russian Folklore: materials and studies]. Vol. 3. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1958.

Dudin A.A., Senior Lecturer, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University, Chekhov branch of Moscow University of Finance and Law.
e-mail: julianus@rambler.ru